

Глава 14. Ему следовало быть еще послушнее.

Ци Цзю: «...»

Система тем временем извлекла высокоточный бинокль, намереваясь рассмотреть всё в деталях.

Пожертвовав драгоценным процентом энергии, Ци Цзю превратил Систему в бумажный комок, отправил его точным щелчком в мусорную корзину и холодно отключил камеру обзора.

Он подхватил Байлана и, поправив его позу, утянул волчонка к себе под одеяло.

Изначально это было вполне невинным, логичным и правильным поступком, но после комментариев Системы всё начало выглядеть как-то... двусмысленно.

Ци Цзю мысленно прикусил соломинку от воображаемого эликсира одиночества и конфисковал у Системы её супер-бинокль.

На мгновение он переключился на вид со стороны, внимательно оглядел Байлана, а затем склонился ниже. Пытаясь согреть своим дыханием дрожащего волчонка, он прижался щекой к его лбу и принялся мерно похлопывать его по спине.

Ци Цзю не слишком хорошо умел утешать — это было не по его части. Не хватало ни профессиональной сноровки, ни житейского опыта.

Обнимая свернувшегося клубком Байлана, он какое-то время сосредоточенно разглядывал интерфейс «золотого пальца» здоровья, который без умолку мигал тревожными сигналами, грозя окончательным провалом интеграции.

На лбу Е Байлана выступила холодная испарина.

Внезапно он ощутил чужое тепло — мягкое, ненавязчивое, оно медленно согревало его, а чье-то дыхание едва заметно шевелило ресницы.

Ему было неуютно; Байлан неосознанно нахмурился, собираясь отвернуться и спрятаться, но в этот миг раздирающая головная боль неожиданно начала стихать.

Раньше он и представить не мог, что боль можно унять чем-то, кроме таблеток.

Эти приступы были плодом «воспитания» семьи Е — существовало мнение, что если с малых лет затянуть удавку на шее зверя, он никогда не осмелится разорвать даже самую тонкую нить.

Байлан скрывал свою свирепость под маской покорности, а затем, хромая, восстал и вырвал власть из рук семьи Е. Но невидимая нить всё еще была там: она душила его, затягиваясь с каждым днем всё туже.

И вот впервые кто-то отбросил эту удавку в сторону и вытащил его из трясины, неспешно и ласково поглаживая по спине.

Тот, кто его обнимал, негромко напевал странную мелодию на незнакомом языке. Мотив был под стать певцу: он напоминал прогулку по заснеженному лесу, где путник идет куда глаза глядят, оставляя на девственно белом покрове неровную цепочку следов и призывая ветер стряхивать снег с верхушек сосен.

Постепенно Байлана наполнило спокойствие. Дыхание выровнялось, боль отхлынула, словно отлив, и сознание начало возвращаться.

Внезапно он очнулся и резко вскинулся.

Ци Цзю к тому моменту уже сам почти задремал. Он открыл глаза, всё еще держа руку на весу — он только что отбивал по спине Байлана нехитрый ритм, но волчонок сорвался с места, выстудив половину тепла под одеялом.

Ци Цзю чувствовал себя совершенно правым, но из-за проделок Системы его уверенность немного пошатнулась. Он убрал руку.

— Голова прошла?

Байлан качнул головой, но тут же, словно проснувшись окончательно, судорожно сжал пальцы.

— Прости...

Неужели он только и может, что вредить Ци Цзю, обременять его и ошибаться в каждом деле? О чем он только думал, когда позволил боли накрыть его в такой момент? Ци Цзю и так нужен покой, а ему приходится тратить силы, чтобы присматривать за ним.

— За что ты извиняешься? — Ци Цзю решил, что следующим этапом обучения «золотого пальца» станет искоренение привычки Байлана отвечать невпопад. — Я спросил: голова болит?

Голос Байлана совсем осип. Он был весь в холодном поту, а реакция стала заметно медленнее.

Лишь спустя мгновение он тихо выговорил:

— Нет, не болит.

— Я не запрещаю тебе пить лекарства, — Ци Цзю воспользовался моментом, чтобы закрепить урок. — Просто делай это в меру, глядя на свое состояние... Твой недуг вполне можно излечить, если за него взяться с умом.

Психогенная головная боль — это не органическое поражение. Байлан страдал так сильно в основном из-за предельного нервного напряжения, которое переросло в тяжелую обсессивную тревогу.

Лекарства здесь были лишь подспорьем, а главным лекарством должен был стать отдых. Поразмыслив, Ци Цзю решил вытащить Байлана во двор — поиграть в снегу.

Байлан замер у края кровати. Чувство вины и самобичевания еще не выветрилось, и этот грандиозный план застал его врасплох.

— ...Играть в снегу?

— Никогда не пробовал? — Ци Цзю вел себя совершенно непринужденно. Лежа в постели, он лениво поманил его пальцем: — Ну же, помоги мне перебраться в кресло.

Он впервые так открыто командовал Байланом, но волчонок, казалось, только этого и ждал. Он рванулся вперед, едва не упав, и почти уткнулся лицом в грудь Ци Цзю.

Байлан молча обхватил его, прижимаясь лбом к плечу и аккуратно перекидывая руку Ци Цзю через свою спину.

Последние дни он послушно ел всё, что велел Ци Цзю. Не чувствуя вкуса, он просто перемалывал пищу зубами и глотал её тяжелыми кусками. Наконец в теле появились силы, и теперь он мог уверенно пересадить Ци Цзю в инвалидное кресло.

Ци Цзю сегодня чувствовал себя бодро и даже не «вылетел» из системы при такой смене позы. Усевшись поудобнее, он постучал по подлокотнику, приказывая Байлану следовать за ним в гардеробную — выбирать одежду.

«Е Байлан закупил тебе целую гору вещей», — Система, выбравшись из мусорной корзины и вернув себе бинокль, возобновила трансляцию в режиме реального времени. — «Тут гардероб на все четыре сезона, причем полный комплект».

Ци Цзю окинул взглядом полки. Там действительно была одежда на любое время года, и даже не глядя на ценники, можно было догадаться, что стоила она баснословных денег.

«Да, это точно».

Всё это Е Байлан заказал в тот вечер после банкета, когда Ци Цзю без конца его подкармливал. Волчонок тогда не выпускал из рук телефон, то и дело оформляя новые заказы.

У него не было способностей Ци Цзю, он не мог на ощупь определить размер, поэтому несколько дней подряд он тайно кружил вокруг мужчины с портновским сантиметром.

В то время Байлан еще вел себя вызывающе. Заказывая очередную вещь, он бросал на Ци Цзю дерзкие взгляды, а его невидимый хвост задибался до небес.

По совести говоря, Ци Цзю больше нравилось поддразнивать того, прежнего Байлана. Нынешнее состояние волчонка заставляло его чувствовать себя чуть ли не мучителем, и совесть время от времени начинала подавать голос.

Особенно его впечатлял этот огромный встроенный шкаф — монументальное сооружение от пола до потолка, которое невозможно было не заметить.

Как-то раз ночью Ци Цзю сам отправился в туалет и на обратном пути перепутал двери, забредя в гостиную. Байлан сидел прямо на полу, обхватив колени руками, и в полной темноте неподвижно смотрел на этот шкаф, набитый одеждой.

...Если бы кто увидел — подумал бы, что какой-то предмет гардероба обрел плоть и кровь.

Система в тот день от страха чуть не рассыпалась на восемнадцать оберегов против злых духов. Вспоминая ту сцену, она до сих пор содрогалась.

«Наверное, он жалел... что не успел подарить их тебе вовремя».

Событий в тот день было слишком много: череда случайностей, крушение надежд, горечь потерь. Шкаф с одеждой, которую он так и не успел выставить напоказ перед Ци Цзю, затерялся в хаосе тех дней, став сущей мелочью.

Ци Цзю думал так же. С некоторым трудом он вытянул руку и насильно притянул волчонка к себе.

— Поэтому... мы должны выйти. Нельзя же дать зимним вещам пропасть зря.

Байлан больше не смел ему перечить. Ци Цзю тянул его за руку, и Байлан, припадая на раненую ногу, неохотно последовал за ним. Его сопротивление было едва ощутимым, но оно было.

Байлану было больно смотреть на эти вещи: они напоминали ему о той ночи, когда он совершил столько ошибок. Теперь эта одежда висела здесь, словно насмехаясь над его самоуверенностью, надменностью и спесью.

— Чепуха, — отрезал Ци Цзю. — А ну, иди сюда.

Байлан очнулся от тяжелых мыслей. Он был уверен, что не произнес ни слова, поэтому в растерянности склонил голову и тут же получил звонкий щелчок по лбу.

— Быстрее, помогай выбирать, — Ци Цзю заранее выставил условие. — Если вздумаешь, пользуясь моим плохим зрением, нарядить меня как павлина — потом пеняй на себя.

Щелчок был довольно ощутимым. Байлан, потирая лоб, присел на корточки и посмотрел на Ци Цзю, который с явным воодушевлением разглядывал вешалки.

— На улице очень холодно...

— Тогда наденем пуховик? — Ци Цзю принялся сам ощупывать ткань, выбирая самые плотные модели. — Этот подойдет?

Байлан медленно поднялся. Поняв, что Ци Цзю не намерен менять планы, он подошел и накрыл ладонью руку мужчины.

— Нет... брат, этот некрасивый.

На самом деле пуховик был вполне приличным — строгий, черный, он бы отлично смотрелся на Ци Цзю. Но сейчас тот был слишком слаб, лицо его побледнело, и в такой одежде он казался бы еще болезненнее.

Байлан замер перед шкафом. Он старался выбрать то, что не подчеркивало бы немощь Ци Цзю. Закусив губу, он долго прицеливался, сравнивал цвета и фактуры, пока, наконец, не остановил выбор на нескольких кашемировых свитерах с высоким горлом.

Никогда в жизни он так не сомневался. Казалось, он решает сложнейшую задачу мирового масштаба, прикладывая каждый свитер к Ци Цзю и внимательно оценивая результат.

Ци Цзю откинулся на спинку кресла и с довольным видом задрал руки, послушно работая манекеном.

— Возьмем с собой камеру, сделаем пару снимков.

— Тогда нужно что-то яркое, — негромко проговорил Байлан.

Он убрал бежевый свитер обратно и выудил с другой полки шарф, набросив его на руки Ци Цзю. На самом деле шарфов было два — одинаковых по цвету и фасону, с забавными вышитыми сердечками. Это была маленькая «месть» Байлана за то, что Ци Цзю когда-то заставил его надеть теплое белье.

Ци Цзю нащупал вышивку и не удержался от смешка, тут же обмотав шарф вокруг шеи.

— Волчонок, — он внезапно протянул руку. — Подойди, обними меня.

Байлан замер. Он словно не мог осознать смысл этих слов. Его пальцы, сжимавшие свитер, побелели, а голос снова стал хриплым и неуправляемым:

— ...Что?

Ци Цзю терпеливо поманил его рукой. Байлан, словно замороженный этим теплом, подошел и сел на корточки у инвалидного кресла, заглядывая в глаза мужчины. Ци Цзю нащупал его плечо, слегка притянул к себе и принялся привычно поглаживать по загривку.

— Я же тебе говорил, что моя болезнь неизлечима. Зачем закупать столько одежды? Деньги на ветер.

Байлан в его руках начал мелко дрожать. Дрожь была настолько сильной, что он выронил свитер, и мягкая ткань соскользнула с его колен на пол. Ци Цзю подхватил вещь и положил её себе на ноги.

— Когда мы только встретились... в день нашего воссоединения, я обещал тебе пять миллионов.

Он почувствовал, как Система «пнула» его в виртуальную пятку, и вовремя поправил себя, чтобы не выдать тайну:

— Помнишь, что я тогда сказал?

Байлан помнил. Он хранил в памяти каждое мгновение, связанное с Ци Цзю, прокручивая их в голове бесконечными ночами. Но этих мгновений было слишком мало. У них было так мало времени, так мало общего прошлого. Если вспоминать каждое событие по десять тысяч раз — запаса не хватит и на несколько лет.

— Я сказал тебе, что исцеления не будет, и поэтому деньги мне не нужны, — Ци Цзю говорил мягко, словно втолковывал ребенку простую истину. — Я с самого начала знал, что обречен, поэтому пришел к тебе, подкупил этими миллионами и нашел себе кормильца и сиделку в одном лице... Понимаешь теперь, как всё было на самом деле?

Байлан едва держался на ногах. Он упрямо качал головой, пока Ци Цзю не подхватил его под мышки и не приподнял. В руках Ци Цзю уже не было прежней силы, он не мог, как раньше, легко вскинуть его на плечо.

Байлан сглотнул подступившую к горлу горечь. Он обнял Ци Цзю, и его голос, осипший до предела, прозвучал почти шепотом:

— Мы оденемся, спустимся вниз, и я поиграю с тобой в снегу... брат. Мы пойдем куда захочешь. Одежда, которую я купил, очень теплая. Ты не заболеешь.

Ци Цзю улыбнулся и не стал больше спорить. Потрепав волчонка по голове, он спросил:

— Ладно. А ты умеешь возить санки?

Байлан не умел, но готов был научиться чему угодно:

— Что мне нужно делать? Надеть намордник?

Ци Цзю: «...»

Вообще-то он не планировал заходить так далеко. Внизу был уютный садик, который Ци Цзю присмотрел заранее. Пейзаж там был что надо, и он просто хотел, чтобы Байлан, ухватившись за концы шарфа, потаскал его по дорожкам.

Е Байлан вечно забивал себе голову всякой чепухой и впадал в крайности. Ци Цзю видел корень проблемы в двух вещах. Во-первых, волчонок совсем не умел выговариваться — он всё держал в себе, пока мысли не превращались в давящий ком. А во-вторых... он просто недостаточно уставал. У него оставалось слишком много сил на пустые раздумья.

Стоило вывести его во двор, заставить побегать на свежем воздухе против ветра, накатать гору снежных комов для снеговиков, а потом еще припахать к «зимней рыбалке», чтобы он ломом продолбил лед в пруду с карпами — и никакой здоровый человек не выдержит такого марафона. К вечеру у него ноги должны будут подкашиваться от усталости.

Ци Цзю был уверен: после такой встряски волчонок не станет полночи пялиться в потолок, а уснет как убитый.

Система: «...»

Ци Цзю, только что прогнавший Байлана, который рвался помочь ему одеться, ворчливо спросил:

— Опять ты? Что не так?

«Ничего», — отозвалась Система. — «Просто в моих учебниках сказано, что когда в одном сценарии встречаются "намордник", "недостаточно устал" и "ноги подкашиваются от изнеможения"... обычно это не заканчивается лепкой снеговиков и рыбалкой в пруду».

У Ци Цзю были свои резоны:

— А что поделаешь? Охотиться-то здесь не на кого.

Он бы и сам с радостью увез Байлана в горы, но в этих каменных джунглях даже воробьи стали редкостью, и ни одна дикая птица не пролетит над верхушками сосен.

Е Байлан никогда не играл в снежки. В его памяти снег был связан лишь с тем, как его волокли по ледяной корке. Кто-то бросил его в прорубь, лед забивался в глаза, а снежинки, словно острые бритвы, резали горло.

Поэтому Ци Цзю решил показать ему другую сторону зимы. Прежде чем уйти, он должен был научить волчонка радоваться простым вещам. Чтобы потом, когда его не станет, Байлан, если вдруг заскучает или не сможет уснуть, мог выйти в сад, пробежать пару кругов или покормить карпов у пруда.

Или просто слепить снеговика.

Ци Цзю слов на ветер не бросал. В последнее время волчонок стал донельзя покладистым, и это имело свои плюсы.

Например, сейчас. Байлан, вцепившись в концы их одинаковых шарфов, таскал кресло по всему саду и уже в восьмой раз по вине Ци Цзю кубарем катился в сугроб.

...Сидя в снегу, Байлан всё еще не догадывался, что у него есть полное право бросить это занятие.

Инвалидное кресло Ци Цзю было по последнему слову техники: датчики баланса и система

стабилизации работали безупречно, позволяя ему лихо разворачиваться на месте и кружить вокруг Байлана. Снег навалил глубокий, так что падать было не больно — словно в пушистую вату.

Байлан, зарывшись в эту холодную вату, сидел на снегу; его грудь часто вздымалась, на щеках проступил румянец. Он плотно сжал губы и сердито воззрился на Ци Цзю.

За всё это время Ци Цзю наконец удалось расшевелить волчонка, и настроение у него было отменным.

— Может, так и останешься там сидеть? Отдавай шарф, теперь я буду тебя катать.

Одежда, купленная Байланом, была действительно очень теплой. Ци Цзю был упакован по высшему разряду; если бы он не воспротивился, Байлан нацепил бы на него еще и горнолыжную маску.

Обошлось без маски, и Байлан мог ясно видеть его глаза. Ци Цзю смеялся так искренне и дерзко, что в эти мгновения казалось, будто он совершенно здоров.

Волчонок готов был взорваться от негодования, но не смел и пальцем тронуть Ци Цзю, боясь причинить вред. Он лишь яростно разгребал снег под собой.

— Тебе нравится? — Ци Цзю наклонился и легонько потянул за конец шарфа. — Ты доволен?

Байлан, уязвленный в лучших чувствах, поначалу не хотел отвечать. Он поднялся, отряхиваясь, и угрюмо присел в снег, напоминая нахохлившийся белый ком.

Ци Цзю ткнул пальцем в этот снежный комок:

— Ну же, еще разок? Обещаю больше не вредничать.

Здесь редко выпадало столько снега. Почти все соседи попрятались в домах, и только они вдвоем бесновались на улице.

Ци Цзю откинулся на подлокотник и неспешно заговорил:

— Я не врал тебе. Раньше у меня и впрямь были сани, и я держал маленького белого волка...

Он принялся рассказывать Байлану о своей давней мечте: научить того волчонка возить упряжку. Затея провалилась с треском: они то и дело кувыркались в канавы. У того волка был скверный характер — после каждой неудачи он впадал в ярость и пытался на него напасть.

Когда Ци Цзю хотел его приласкать, тот в отместку тяпнул его за самый кончик носа.

В этом плане Байлан вел себя куда достойнее. Хоть он и оставил на Ци Цзю пару «отметин» в пылу страсти, за нос кусать еще не пробовал.

Байлан: «...»

Ци Цзю ощутил на себе мрачный взгляд волчонка. Не понимая, в чем он на этот раз ошибся со своими педагогическими методами, он обратился к Системе, которая почему-то снова принялась грызть семечки:

«Что не так?»

«Ты что, серьезно?» — Система, вооружившись биноклем, была в крайнем изумлении. — «Ты разве не понимаешь, на что ему намекаешь?!»

«Конечно, намекаю», — отозвался Ци Цзю. — «Я хочу, чтобы он был сильным и никогда не сдавался».

Система: «...»

Байлан тряхнул головой, стряхивая снег, и, ухватившись за поручни кресла, заглянул в лицо Ци Цзю.

— Брат, — тихо проговорил он. — Погладь меня.

Ци Цзю хотел стащить перчатку, но Байлан перехватил его руку и прижал её к своему лицу прямо сквозь ткань. Зрачки волчонка казались бездонными, и падающие снежинки вспыхивали в них редкими искрами.

Пальцы Байлана были мокрыми от снега. Он крепко сжал руку Ци Цзю, и тот почувствовал жар его кожи на своем исхудавшем запястье. Он ощутил, как под пальцами Байлана бьется его собственный пульс — частый, неровный и пугающе слабый.

Ци Цзю очень устал. Несмотря на всю заботу и теплые вещи, силы неумолимо покидали его с каждым днем.

Ци Цзю боялся, что Байлану будет больно, боялся его приступов, поэтому боролся со сном из последних сил... Развлекал его, играл с ним, пытался развеселить.

Байлан понял: из-за него Ци Цзю приходится трудиться вдвойне.

Он был недостаточно послушным. Ему следовало быть еще послушнее.

Байлан придвинулся ближе, заслоня Ци Цзю от ветра и снега, и крепко обнял его за плечи. Он знал, что Ци Цзю вовсе не имел в виду ничего предосудительного, и что тот до сих пор искренне верит, будто Байлан забирается к нему в постель по ночам исключительно ради массажа.

...Но это было неважно.

Байлан решил, что сегодня же, как только они вернутся домой, он закажет себе намордник.

<http://bllate.org/book/16113/1588789>